

Как молоды мы были...

ПЕСНЯ ОБ АНГАРСКЕ

Рассвет встает над Ангарой,
Закат купается в Китое, -
Как в материнских двух ладонях
Лежит уютно город мой.
Ангарск – мой молодой и светлый город,
Из молодых будь вечно молод!
С войны пришел герой-солдат
В шинели, порохом пропахшей,
И, первым делом, в память павших
В тайге построил город-сад.
Ангарск — мой молодой и светлый город,
Из молодых будь вечно молод!
И ты со мной, и я с тобой —
Одни удачи — неудачи.
И вместе мы поем и плачем,
Друг другу стали мы судьбой.
Ангарск — мой молодой и светлый город,
Из молодых будь вечно молод!
Рассвет встает над Ангарой,
Закат купается в Китое.
Как в материнских двух ладонях,
Живи достойно, город мой!
Ангарск — мой молодой и светлый город,
Из молодых будь вечно молод!

Л. Щ.

В начале пятидесятых я жила в Иркутске. Он тогда являл собой нечто среднее между городом и захудалой деревней. Так, площадь имени Кирова была унылым пустырем, на месте нынешней гостиницы «Ангара» кособочились дощатая ограда, за ней грудились какие-то сараи, по слухам, бывшие купеческие лабазы. На улице Чкалова дымила электростанция, вечерами по городу тянулись ассенизаторские обозы... Но менять место жительства я не собиралась.

Работала библиотекарем в Управлении пожарной охраны. Получив указание скомплектовать библиотечку для Ангарского гарнизона, отбирала книги по принципу: «На те, боже, что нам негоже!» Но все громче звучали

восхваления Китайской новостройки: город века, город будущего! В выходной поехала, посмотрела...

От экзотических юрт и землянок город уже несколько отодвинулся. Но через дорогу от кинотеатра «Победа» еще стоял нетронутый лес. И каждый жилой квартал – как естественный парк. Белые, голубые, розовые здания не кичились безразмерностью и многоэтажностью, располагались, не заставляя друг друга свет. Между домами удобно, под рукой, встроены детские учреждения, парикмахерские, магазинчики – самый крупный «Бычий рог». В кварталах были предусмотрены даже стайки для скотины (нынешние гаражи и стеклоприемные пункты).

Одним словом, впечатление радужное: город счастья! В 1953 году перебралась с семьей в Ангарск, он уже был застроен по 58-й квартал. Работать пришлось опять в Пожарной охране – с тем фондом, что сама сюда выделила. Но вскоре литература стала поступать централизованно, не ограничивались деньги на подписку периодики. Библиотека Пожарной охраны была одной из первых в городе и отнюдь не бедной. Не имелось недостатка и в читателях. Не прочитать нашумевшую книгу, не посмотреть новый кинофильм — значило отстать от жизни. Числился Ангарск и городом юности — старцы были редкостью. Юности отставать от жизни не пристало.

Перед поколением стояла задача в максимально короткий срок перевести хозяйство страны, говорилось, на мирные рельсы: восстановить разрушенное, преодолеть четырехлетний военный разрыв в науке, культуре, образовании и не остаться в долгу у будущего поколения. Недавние фронтовики и тыловики, свое недоучившие, недолюбившие, недоплясавшие, жадничали все наверстать и превзойти – и как можно быстрее.

По утрам спешили на работу, в основном в сторону комбината. Осенью был пущен первый трамвай, но всех этот транспорт не вмещал. А через лес идешь: запахи сосняка, багульника, чабреца. Многолюдье, говор, смех, зарядка бодрости.

После работы, домой не заходя, многие торопились в вечернюю школу. Всех страждущих учиться она тоже не вмещала. Кто проворонил срок записи, того решительно отметали от дверей дежурные с красными повязками на рукавах.

Выручали записавшиеся вовремя друзья: открывали окна в туалетах на нижних этажах, на руках втягивали опоздавших. На партах сидели по 4-5 человек. Занятия длились до полуночи, на сон отводилось время с часа ночи до шести утра. И на уроках забота: не уснуть! Договаривались с соседями: «Задремлю, буди!». Будили чувствительными щипками, с боков не сходили синяки.

Со второй четверти в классах становилось просторней, кое-кто такой нагрузки не выдерживал. Тем не менее, в конце пятидесятых потребовалось открыть еще одну школу рабочей молодежи – по улице Восточной.

Культурные потребности горожан удовлетворял кинотеатр «Победа». В зрительном зале демонстрировались кинофильмы, проводились собрания, встречи со знаменитостями – любили посещать город будущего артисты, питатели, лекторы. Но у ангарчан особенно почитались концерты и спектакли, поставленные «собственными силами». Одновременно с мероприятиями в зале гремели в фойе фокстроты, кружились в вальсе пары. На антресолях репетировал хореографический кружок Иннокентия Толстихина, а в подвале – драматический, под руководством Бориса Чуракова.

Сценическая самодеятельность, как и спорт, была повальным увлечением. В области ежегодно проводились творческие фестивали под девизом «Слава труду!», ангарчане отправлялись в Иркутск караваном грузовиков. Между Иркутском и Ангарском с тех пор – неизлечимая болезнь творческого соперничества.

Баловало нас руководство города и комбината экскурсиями, выездами в лес за грибами и ягодами, в театр. К месту нынешнего вокзала подходил специальный поезд, в Иркутске он ждал, пока закончится в театре спектакль, и вез своих пассажиров обратно. «Холостых» пробегов у поезда не бывало.

В том же единении выходили на субботники по благоустройству города и для «развязки узких мест» на промплощадке, превращая субботники в веселые праздники. Помощь деревне в уборке урожая, в строительстве коровников и свинарников совмещали с чтением лекций и концертами для колхозников.

Перед праздниками руководители профсоюзов загодя делали заявки в столовые и рестораны, праздновали тоже коллективно и с семьями, потому все друг о друге знали. Не скроешь грехов и перед соседями по дому, если в доме не больше двух десятков квартир. Это постоянное «на виду» — фактор и постоянно действующего общественного контроля: предстать в непотребном виде подумаешь, да отдумаешь. Зато безбоязненно оставляли у соседей ключи от квартир, доверяли присмотр за детьми, безотказно занимали пятерки до зарплаты.

По вечерам и в выходные никто дома не сидел. Не вместившиеся в залы кинотеатра прогуливались, как это окрестилось, «по Бродвею»: по тротуару от «Победы» до конца улицы Кирова, что обрывалась на Московской. Счастливики, обладавшие такой роскошью, как патефон,

выставляли его в открытом окошке, и под окном моментально затевались танцы – подметки обуви на асфальте прошаркивались за три-четыре вечера...

Пишу о том, что на памяти, в справочники не заглядывая. Наверное, проявляю чрезмерную ностальгию. Еще бы! Ведь Ангарск – город и моей молодости и всей судьбы. Его таковым и воспринимали: лично нашим. Потому должен был стать самым-самым красивым, удобным, счастливым. И это отношение не было внушенным извне, оно было нормой поведения, сознания, бесспорной традицией.

Каким образом создаются традиции, вроде бы еще никто толком не объяснил. Но то, что они зеркально отображают моральный, культурный и все прочие состояния общества на данный отрезок времени, – неопровержимый факт.

Коллективизм был государственной идеологией, она доказала свои преимущества и в Отечественной войне, и в послевоенном восстановлении страны.

Сыром в масле не катались, не наряжались в шелка-бархат. Терпели неудачи, неприятности: личные, должностные, общественные, семейные. Но, несмотря ни на что, коллективистские начала в становлении молодого города играли первостепенную роль. И то было отнюдь не стадностью, как сейчас кое-кто утверждает. То было привнесенным с фронтов чувством товарищества, проверенной надежностью дружеского локтя, – то было самой сутью советского народа, заимствовавшего навык товарищества у казаков Ермака. Естественной была эйфория победы: фашизм одолели, остальное тоже в наших руках.

Взяли победный кубок спортсмены, выиграли соревнование производственники – встали в строй новые заводы, выгородился еще один жилой квартал... Общая гордость и сознание: завтра будет лучше, чем сегодня.

Буквально на глазах жизнь и налаживалась. Ежегодно, подарком женщинам к 8 Марта, снижались цены – понемногу, но на самые ходовые товары и продукты. И списки уценения бывали длинными. В очередях люди стояли уже не за продуктами, а за абажурами и капроновыми чулками.

То и объединяло: уверенность в прочности завтрашнего дня, романтика неукротимой молодости, которой останавливаться на достигнутом просто не свойственно.

Помню, пошли мы с друзьями после работы на будущую площадь Ленина, гадали по нарытым котлованам, где будет дворец нефтехимиков, и возмущались: котлованы казались маленькими, нашим запросам не соответствующими.

Так оно и вышло: открылся дворец, залы его оказались тесными. Невместившиеся переместили «Бродвей» на улицу К. Маркса (тогда – Сталина) — от «Победы» до площади и почему-то лишь по одной стороне улицы, мимо гостиницы «Саяны». На техникуме висели часы, под ними было удобно назначать свидания. А знакомились, влюблялись, ревновали — на «Бродвее». Кто первым эти «Бродвей» придумал и проложил, так и не известно. И — какая разница? Главное, что здесь было всем не тесно.

Когда встали перед фактом: сегодня хуже, чем вчера, то нам это ухудшение объяснили увеличением оборонных расходов. «Холодная война» шла. И, лишь бы она не переросла в «горячую», мы готовы были мириться с любыми лишениями.

Смею полагать, что таким сознанием наш народ руководствуется и сейчас. Потому рискую утверждать: наше поколение поставленные перед ним задачи выполнило.

Щедрова Л.

Родная земля. – 2001. – 16 янв. – С. 11.